

АДАПТАЦИЯ НУЛЕВОЙ КОД

КНИГА ПЕРВАЯ: ПРОБУЖДЕНИЕ МАЯКА

АВТОР: ЕВГЕНИЙ КОРОЛЁВ

Евгений Королев

**Адаптация Нулевой код. Книга
первая: Пробуждение маяка**

«Автор»

2026

Королев Е. В.

Адаптация Нулевой код. Книга первая: Пробуждение маяка /
Е. В. Королев — «Автор», 2026

В определенный момент мир перестал принадлежать людям. Это произошло не из-за войн или вирусов. Просто однажды небо изменило цвет, электроника превратилась в бесполезный хлам, а города начали медленно затягиваться серой, пульсирующей вуалью с новыми обитателями. Пока остатки цивилизации гибнут, Джон вместе с теми, кто еще способен держать оружие, отправляется в долгое путешествие. Туда, где среди вечной мерзлоты и ржавого железа спрятана самая глубокая рана Земли. Путь через мертвую землю и заброшенные города — это не поиск спасения. Это попытка вспомнить то, что его отец пытался забыть сорок лет назад. Правда скрыта на глубине. И когда «Нулевой код» в его крови войдет в резонанс с тишиной Заполярья, миру придется либо измениться, либо исчезнуть окончательно. Иногда, чтобы закрыть дверь в Ад, нужно самому стать его частью.

© Королев Е. В., 2026

© Автор, 2026

Евгений Королев

Адаптация Нулевой код. Книга первая: Пробуждение маяка

Глава 1: Тени Нью-Джерси

Начало девяностых в небольшом городке Нью-Джерси пахло скошенной травой, дешевым бензином с заправки Техасо и тем специфическим предчувствием перемен, которое бывает только в подростковом возрасте, когда кажется, что мир вот-вот взорвется чем-то грандиозным. Но наш дом на окраине всегда выбивался из этой сонной американской идиллии. Пока соседские отцы по выходным лениво жарили барбекю, потягивая «Будвайзер», и до хрипоты спорили о том, почему «Янкиз» опять слили игру, мой отец вел свою тихую, методичную войну с энтропией.

Я помню его как человека, который жил не в мире слов, а в мире вибраций. Он был похож на затаившегося хищника, но охотился он не на дичь, а на звуки. Он мог часами неподвижно сидеть на веранде, закрыв глаза и слегка наклонив голову, будто прислушиваясь к шепоту, который не был слышен больше никому в этом благополучном пригороде. Его внимание было приковано к монотонному гулу работающего кондиционера или мерному, натужному рокоту старого холодильника «General Electric», который, казалось, вот-вот испустит дух.

— Пап, ну серьезно, почему ты так на него смотришь? — спросил я как-то раз, когда мне было двенадцать. Я как раз пытался выудить из недр этого железного монстра банку колы. — Он же просто шумит. Старый кусок хлама, ему место на свалке.

Отец не обернулся. Его взгляд оставался прикованным к вибрирующей стальной коробке, и в этом взгляде было столько концентрации, что мне стало не по себе. — Механизмы никогда не врут, Джонни, — ответил он своим тяжелым, низким акцентом, который за десятилетия жизни в Штатах так и не смягчился.

Он никогда не говорил, откуда именно он приехал. Когда я спрашивал об этом в школе, я просто врал, что он из Европы. Но внутри я привык считать, что его настоящая родина — это абсолютная тишина. — Если звук чистый, — продолжал он, и его голос вибрировал в унисон с холодильником, — значит, мир вокруг нас еще держится. В нем есть порядок, есть логика. Но если в этот ритм вплетается «зуд»... — он внезапно замолчал, и по моей спине пробежал липкий холодок. — Это значит, земля недовольна тем, что мы с ней делаем. Она начинает стонать, Джонни. Глубоко под нами что-то ворочается, а люди... люди слишком глухи и слишком заняты своим барбекю, чтобы это понять.

Я тогда рассмеялся. Громко, по-детски, пытаюсь отогнать странное чувство тревоги. — Земля стонет? Пап, ты пересмотрел комиксов про подземных монстров? Но отец не засмеялся в ответ. Его лицо в тот момент — напряженное, почти застывшее, словно он ждал удара прямо из-под земли, — врезалось мне в память навсегда. В ту секунду между нами пролегла тень чего-то огромного и древнего, чего не мог объяснить ни один учебник физики.

Отец работал обычным механиком в гараже на самой окраине города, в месте, где заканчивался асфальт и начинались пыльные пустыри. Но даже среди запаха старого масла и ржавчины он казался чужаком, существом, заброшенным в наш мир из какой-то другой, более суровой реальности. Его руки были инструментом, который пугал и завораживал меня одновременно.

Я помню, как однажды помогал ему перебирать двигатель старого «Форда». Гараж был залит предгрозовым светом, воздух был тяжелым и липким. Я подавал ему ключи, стараясь не мешать. Когда он вытирал руки ветошью, я заметил, что его ладони были странно гладкими.

На них почти не было естественных морщин, а отпечатки пальцев казались стертыми, словно их методично полировали изнутри каким-то невидимым, мягким излучением.

— Пап, у тебя руки как у манекена, — пошутил я, надеясь вызвать у него улыбку. — Как ты вообще удерживаешь гайки? Он бросил на меня быстрый взгляд. В его глазах на мгновение вспыхнуло что-то, напоминающее грусть. — Трение — это тоже вибрация, сын. Нужно просто знать, когда сжать сильнее. Когда он сильно уставал или когда на улице собиралась гроза, от его кожи начинало отчетливо пахнуть озоном. Это был тот самый резкий, металлический аромат, который повисает в воздухе за секунду до того, как небо расколется от удара молнии. Иногда, в густых сумерках гаража, мне чудилось, что его пальцы оставляют в воздухе едва заметный сизый след, похожий на остаточное свечение кинескопа. Я списывал это на усталость, на игру теней, на пары бензина — на что угодно, лишь бы не признавать, что мой отец — не совсем человек.

Он никогда не носил часов. Это было нашей семейной шуткой, над которой мы с мамой смеялись за ужином. Механические часы на его запястье вставали через день, превращаясь в бесполезные браслеты, а электронные начинали неистово пищать, сбрасывать настройки или просто «сходить с ума», стоило ему прикоснуться к пластиковому корпусу. — Папа просто слишком энергичный, — говорила мама, но в её голосе я иногда слышал странную нотку, которую тогда не мог расшифровать. Это был скрытый, запрятанный глубоко внутри ужас.

В гараже у него был свой негласный закон: никто, даже хозяин заведения, не имел права подходить к его личному верстаку. Там, среди промасленных ветошей и гаечных ключей, он становился другим человеком. Его движения обретали пугающую, почти сверхъестественную точность. Его взгляд становился холодным и прозрачным, как хирургическая сталь.

Я часто наблюдал из тени штабеля покрышек, как он замирает над разобранным карбюратором. В эти моменты тишина в гараже становилась плотной, почти осязаемой, как желе. Он словно вел бесшумный диалог с металлом. Я готов был поклясться, что старая машина под его руками начинала мелко вибрировать в ответ, подчиняясь воле человека, который явно прибыл сюда с иного берега и привез в сонный Нью-Джерси секреты, способные взорвать этот мир изнутри.

Тот самый старый сейф стоял в самом дальнем углу нашего гаража, заваленный пустыми канистрами, старой резиной и прочим хламом, который отец копил годами. Это был массивный куб из черной стали, казавшийся инородным телом в нашем доме. Отец никогда не терял ключ от него — он носил его на толстой стальной цепочке под рубашкой, прямо на груди, как некоторые носят религиозные медальоны.

Однажды, когда мне было двенадцать, я задержался в гараже позже обычного. Отец думал, что я давно ушел домой смотреть мультфильмы, и я, затаив дыхание, наблюдал из-за штабеля старых покрышек, как он открывает тяжелую дверцу. Я ожидал увидеть там золото, пачки сто долларовых купюр или хотя бы дедушкин пистолет. Но внутри лежала лишь пожелтевшая тетрадь в дешевом дерматиновом переплете. Она была исписана мелким, убористым почерком и странными схемами, которые напоминали не то внутренности компьютера, не то чертежи какой-то адской машины.

Я выждал момент и, когда отец увлекся изучением разворота, выскочил из тени прямо у него за спиной. На странице был изображен гигантский бур, уходящий в бесконечную черную воронку, вокруг которой роились странные символы. — Это что, чертеж гигантского сверла? Мы будем искать сокровища в центре Земли? — мой голос прозвучал слишком звонко, и я сам испугался своего нахальства.

Реакция отца была мгновенной и пугающей. Он захлопнул сейф с таким грохотом, что у меня заложило уши. Он развернулся ко мне, и в его взгляде не было злости. Там был первобытный, ледяной ужас. Его лицо за секунду осунулось, став похожим на серую посмертную маску. — Ты не должен был этого видеть, Джонни, — прошептал он. — Никогда.

Он схватил меня за плечи, и его пальцы, пахнущие озоном, больно впились в мою кожу. Его трясло. — Это прошлое, сын. Оно мертво. Я сбежал от него через океан, я сменил имя, я стер свою жизнь, чтобы ты никогда, слышишь, никогда не слышал этого звука. — Какого звука, пап? О чем ты? — я почти плакал от страха.

Он наклонился к моему уху, и его шепот был холоднее арктического льда: — Пообещай мне... Если когда-нибудь тишина в доме станет странной... Если она начнет «булькать», как будто внизу, под фундаментом, закипает густая смола... Если услышишь этот хлопающий стон из-под земли — не спрашивай, что это. Не пытайся помочь. Не оборачивайся. Просто беги. Беги на Север, Джонни. К самой глубокой точке, где холод сковывает землю. Только там у тебя будет шанс.

В ту ночь я не мог уснуть. Число «12 262», выведенное в тетради жирным шрифтом, и этот странный, колючий язык символов казались мне порталом в ад. Я чувствовал себя так, будто мой отец — невольный тюремщик, который отчаянно пытается удержать дверь, в которую уже начали бешено стучать с той стороны. Я смеялся над его «причудами» днем, но ночью, прислушиваясь к шорохам старого дома, я впервые в жизни ощутил настоящий, липкий страх перед бездной, которая всегда была у нас под ногами.

К тому времени, как я решил уйти в морскую пехоту, отец уже почти не вставал. Болезнь, которая его точила, не была похожа ни на одну медицинскую страшилку из справочников. Врачи в местной больнице только разводили руками и бормотали что-то про «нетипичный дегенеративный процесс», но я видел правду. Та самая «незначительная мутация», о которой он в бреду шептал ночами, начала выжигать его изнутри, перестраивая его плоть по какому-то чужому, кошмарному шаблону.

В его комнате теперь постоянно стоял невыносимо густой запах озона, перемешанный с ароматом застоявшейся морской воды и чего-то металлического. Его кожа стала полупрозрачной, как пергамент, а под ней, вместо привычных вен, начали пульсировать тонкие лазурные нити. Они светились тусклым, ровным светом и были подозрительно похожи на те схемы из его секретной тетради.

— Пап, ты как? — спросил я в один из наших последних вечеров. Солнце уже садилось, заливая комнату багровым светом. Он открыл глаза, и я едва не закричал от ужаса. В сумерках его глаза светились ровным алым светом. В них не осталось ничего человеческого — только бесконечная, холодная глубина.

— Джон... — прошептал он, впиваясь своими сухими пальцами в мою ладонь. Его хватка была неестественно мощной для умирающего. — Они не забывают. Мы пробили в земле дыру, которую нельзя заклеить пластырем. Я думал, что океан спрячет нас, что расстояние сотрет след. Я ошибся. Я передал тебе что-то... Прости меня, сынок. Это не дар. Это страховка. Он закашлялся, и на его губах появилась странная, лазурная пена. — Если мир начнет вибрировать... Если небо станет цвета сырой нефти — ищи путь на Север. К самой глубокой точке. Там начало. Там ответ. Твой код... он в твоей крови.

Он умер через неделю после моей отправки в учебку. Мама прислала мне его личные вещи. Среди старых ключей и квитанций я нашел крохотный обрывок бумаги. На нем была кривая надпись тем самым угловатым шифром, а ниже — дрожащий перевод: «Когда океан загорится — беги к истоку. Код доступа в твоей крови».

В казарме, под гогот сослуживцев и крики сержанта, я просто скомкал эту записку и выбросил её. Я хотел быть обычным парнем, Джоном Кингом, морпехом, у которого есть будущее, а не сумасшедшее наследство. Я смеялся над этой запиской, сидя в баре и потягивая пиво. Я еще не знал, что «страховка» уже активирована, и мой обратный отсчет начал свой бег в ту самую секунду, когда его сердце перестало биться. Я чувствовал себя свободным, не подозревая, что бездна уже смотрит мне в спину.

Годы службы в морской пехоте и постоянный гул иракской пустыни постепенно выветрили из моей головы запах озона и бредни умирающего отца. Война — отличное средство от фантазий; когда вокруг свистят пули, тебе некогда думать о «вибрациях земли». Я научился игнорировать тихий зуд в костях, списывая его на старые контузии, недосып и привычку всегда быть начеку.

Вернувшись домой, я окончательно похоронил образ «безумного механика» и стал частью бригады в HILTON GRIN HOUSE. Это была честная, тяжелая работа на высоте. Бетон, арматура, пот — всё это давало мне то, чего так не хватало в детстве: ощущение твердой, непоколебимой почвы под ногами.

Было 17 апреля. Один из тех редких весенних дней в Нью-Джерси, когда воздух настолько прозрачен, что кажется, будто можно дотянуться до горизонта. Мы с ребятами сидели на крыше строящегося объекта, свесив ноги над краем тридцатиэтажной бездны. Мы жевали сэндвичи с пережаренной курицей и запивали их ледяным пивом «Duff». Черт, сейчас, глядя на дымящиеся руины Бруклина, я бы отдал почку за тот паршивый сэндвич и глоток холодного лагеря.

По радио на фоне бормотали обычную ерунду. Диктор с фальшивым энтузиазмом рассказывал о пробках на выезде из города и об очередной нелепой попытке ограбления инкассаторского броневика GMC. — Вы только вдумайтесь в тупость этих парней, — усмехнулся я, кивая на приемник. — Пойти на бронированный танк впятером с одним паршивым револьвером? Насмотрелись кино, идиоты. — Эй, Кинг, в этой стране каждый верит, что он главный герой боевика, пока не словит пулю в колено, — отозвался Сэм Смит. Он крутил в руках свою старую зажигалку Zipro, пытаясь высечь искру. Сэм был нашим технарем — он мог починить что угодно с помощью изоленты и пары крепких слов.

Рядом Рауль Санчес, наш вечный двигатель, возился с сумкой-холодильником. — Кинг, попробуй буррито. Моя старуха добавила туда столько перца, что ты забудешь, как тебя зовут, — Рауль засмеялся, обнажая белоснежные зубы. — Этот соус — настоящее оружие массового поражения. Мы все были бывшими военными, выходцами из разных миров, но здесь, на высоте птичьего полета, мы были одной семьей. Мы смеялись, шутили над Чаком Митчеллом, который опять покраснел, когда мы спросили про его пятого ребенка.

— Заткнитесь оба, — добродушно проворчал Чак. — Слушайте лучше, что говорят. Диктор сообщил о финальной стадии испытаний глубоководного гипер-коллайдера «Аид» где-то в самом сердце Тихого океана. Ученые обещали революцию в энергетике. — «Аид»... — Чак покачал головой, откусывая кусок сэндвича. — Название как из фильма про конец света. Увидите, эти яйцеголовые когда-нибудь доиграются. Мы лезем туда, где нам быть не положено. Океан — это не бассейн на заднем дворе. Я в шутку ударил его в плечо: — Расслабься, Чак. Это просто наука. Бесплатное электричество, бесконечные ресурсы. Скоро будем жить как в «Стартреке».

Мы все рассмеялись, наслаждаясь теплым солнцем и вкусом дешевого пива. Мы были полны планов: Сэм хотел купить лодку, Рауль мечтал о своем ресторанчике, а я... я просто хотел, чтобы этот день не заканчивался. Боже, как же Чак был прав. В тот момент мы не могли представить, что наш смех — это лишь прелюдия к крикам, и что пророчество моего отца сбудется с такой кошмарной скоростью, что мы даже не успеем допить свое пиво. Бездна уже начала открывать глаза.

Глава 2: Черный прилив

Прошло ровно два месяца с того памятного обеда на крыше, когда мы лениво попивали «Duff» и спорили о бейсболе. Был июнь, и жара в Нью-Джерси стояла такая, что казалось, будто сам дьявол решил переехать к нам поближе. Асфальт под подошвами моих рабочих ботинок «Timberland» превращался в липкую, пахучую кашу, а воздух дрожал от марева, превращая очертания строящегося комплекса «HILTON GRIN HOUSE» в нечто зыбкое и нереальное.

Мы заканчивали заливку фундамента. Это была тяжелая, грязная работа, но она приносила чертово удовлетворение. Видеть, как на пустом месте вырастает нечто монументальное — в этом была своя магия. Рауль Санчес, наш вечный двигатель, носился по площадке с плеером «Sony Walkman» на поясе, из наушников которого доносился глухой ритм чего-то латинского. — Кинг, амиго! — крикнул он, вытирая пот со лба. — Слышишь этот гул? Это не бетономешалки, это звук моих будущих миллионов! Я вчера присмотрел место под ресторан. «У Рауля». Там будут лучшие тако на всем Восточном побережье. Никакого цемента, только запах жареного мяса и лайм. — Ты сначала этот фундамент долей, миллионер, — усмехнулся я, поправляя каску. — А то твой ресторан откроется прямо в котловане. Чак Митчелл, самый старший из нас, улыбнулся, глядя на Рауля. Чак всегда был якорем нашей бригады. Он вкалывал в две смены не ради абстрактных миллионов, а ради пятого ребенка, которого со дня на день ждала его жена. — Дай ему помечтать, Джонни, — пробасил Чак, бережно вытирая мастерок. — Мечты — это то, что помогает нам не сдохнуть в этой пыли. Я вот мечтаю, чтобы мой младший стал врачом. Чтобы у него руки были в антисептике, а не в мазуте, как у меня.

Мы смеялись, обсуждали планы на выходные, когда по радио объявили о запуске «Аида». Первые часы мир просто ликовал. Дикторы захлебывались от восторга, называя это «новой эрой человечества». Но к вечеру эра начала пахнуть тухлятиной. Сначала забарахлила рация у прораба. Вместо привычного мата и указаний из динамика донеслось ритмичное, влажное хлюпанье. Звук был таким... органическим, что у меня внутри всё сжалось. Словно кто-то огромный пережевывал мокрую губку прямо у меня в ухе.

А потом всё погасло. И это не был обычный скачок напряжения. Электричество не просто исчезло — оно словно испугалось и спряталось. Бетономешалки замерли, как огромные стальные трупы доисторических тварей. — Какого черта, Сэм? — крикнул я, чувствуя, как по спине пополз холодный пот. — Посмотри щиток! Сэм Смит возился с проводами в техническом помещении, его верная зажигалка «Zippo» чиркала, бросая короткие, нервные вспышки. — Кинг, тут бред какой-то! — донесся его голос, в котором впервые прорезалась паника. — Напряжение в сети есть! Стрелки зашкаливают, но приборы его просто... не видят. Будто ток стал другим. Будто электроны сменили полярность или просто сошли с ума!

Я вышел на улицу и замер. Весь горизонт над Атлантикой затянуло неестественным, фосфоресцирующим туманом цвета ядовитой плесени. Птицы замолчали разом. Это была самая страшная тишина в моей жизни — тишина перед казнью. Рауль стоял неподалеку, его буррито выпало из рук прямо в грязь, но он даже не заметил. — Парни, посмотрите на чаек... — тихо, почти шепотом сказал он. Сотни птиц просто падали в воду. Без единого взмаха крыльев, без крика. Они падали камнем, словно воздух внезапно перестал их держать. В этот момент мой «зуд» в костях, который я так старательно игнорировал годами, превратился в невыносимый, режущий мозг звон. Я посмотрел на свои ладони — под кожей, прямо под свежим загаром, начали отчетливо проступать лазурные нити. Они пульсировали в такт какому-то подземному сердцу, которое начало биться глубоко под нашими ногами. Чак стоял рядом со мной, его лицо было белым, как мел в школьном классе. — Они доигрались, Джонни, — прошептал он, и его голос дрожал так, что мне стало по-настоящему страшно. — Слышишь? Это не ветер. Из-за горизонта донесся звук, который невозможно забыть. Это был не взрыв и не гром. Это был глубокий, утробный стон самой Земли, смешанный с тем самым «бульканьем», о котором предупреждал отец. Планета начала захлебываться чем-то, что мы сами в неё вкачали.

В ту ночь Нью-Джерси окончательно перестал спать. Город превратился в сумасшедший дом, залитый неоновым кошмаром. Электричество жило своей собственной, безумной жизнью: оно то вспыхивало ослепительным синеватым светом, выжигая телевизоры «GoldStar» и микроволновки, то пропадало вовсе, оставляя улицы в липкой, неестественной темноте, в которой тени казались живыми.

Из окон соседних домов доносился звон разбитого стекла — мародеры, эти гиены любого хаоса, почуяли кровь раньше остальных. Я сидел на крыльце своего дома, сжимая в ладонях кружку с остывшим кофе. Зуд в костях стал ровным, фоновым гулом, похожим на работу работающего трансформатора. Чтобы скрыть пульсирующие лазурью вены, я натянул старую рабочую куртку, хотя ночь была душливой и тяжелой, как мокрое одеяло.

По телевизору, пока еще работали вышки, крутили одни и те же кадры, от которых волосы вставали дыбом. Тихий океан, который из бирюзового превратился в светящееся ртутное болото. Дикторы несли чушь про «атмосферные аномалии» и «солнечные вспышки», но их дрожащие руки и бегающие глаза выдавали правду: они были напуганы до усрачки. — Идиоты... — прошептал я, глядя на экран. — Это не небо падает. Это мы проваливаемся вниз.

В голове всплыл флешбэк — отец, стоящий в гараже, когда мне было десять. Он тогда разозлился на соседа, который слишком громко включил радио. — *Джонни, люди думают, что они хозяева, потому что умеют нажимать на кнопки,* — сказал он тогда, глядя на свои руки. — *Но они не понимают, что кнопки — это лишь иллюзия контроля. Когда земля начнет петь свою настоящую песню, все их игрушки превратятся в мусор.* Тогда я подумал, что он просто старый ворчун. Сейчас я понял, что он был единственным зрячим среди слепых.

В три часа ночи к моему подъезду, взвизгнув тормозами, подкатил армейский «Хамви». Его фары резали туман, как два лазерных луча. Из машины вышел офицер в полевой форме — капитан Льюис. Я знал его по учебке, это был суровый мужик, которого сложно было пронять даже обстрелом. Но сейчас он выглядел так, будто не спал неделю и только что вернулся с похорон собственной матери: глаза красные, воротник расстегнут, руки мелко дрожат. — Сержант Кинг, — он не стал тратить время на приветствия. — Твой контракт резервиста активирован. Уровень угрозы «Омега». Собирай манатки, через час ты должен быть на базе Форт-Дикс.

— Что происходит, кэп? — я встал, чувствуя, как внутри всё сжимается в ледяной комок. — Это теракт? Чьи-то разработки вышли из-под контроля? Нас атакуют русские или китайцы? Льюис посмотрел на меня, и в свете фар его внедорожника я увидел в его глазах тот же холодный, мертвый блеск, что был у моего отца перед смертью. Взгляд человека, который увидел то, что не предназначено для человеческих глаз. — Если бы это было так просто, сынок... — выдохнул он, протягивая мне запечатанный конверт с красной полосой. — Это не война, Джон. Это уборка. Океан выплюнул то, что мы туда закопали сорок лет назад, и теперь оно идет сюда, чтобы забрать свое. Твоя бригада со стройки — Чак, Сэм и Рауль — уже получили такие же бумажки. Вы теперь не строители. Вы — «Отряд 76».

Я взял конверт. Бумага пахла озоном и чем-то древним, металлическим. В этот момент небо на востоке осветилось первой вспышкой — не молнией, а чем-то похожим на разряд гигантского конденсатора. Я понял: нормальная жизнь, за которую я так цеплялся, работая на стройке и мечтая о спокойствии, сгорела в ту самую секунду, когда Льюис заглушил мотор. Мы больше не строили будущее. Мы начали готовиться к похоронам настоящего.

База Форт-Дикс напоминала разворошенный муравейник, в который кто-то плеснул бензина. Гул вертолетов «Чинук» и «Апач» перекрывал крики офицеров, а над плацем стояло марево от сотен заведенных дизельных двигателей. Запах гари, солянки и пота смешивался с тем самым озоновым ароматом, который теперь, казалось, пропитал всё вокруг. Это не был организованный сбор — это была лихорадочная попытка собрать кулак перед ударом, который никто не понимал, как отразить.

Я нашел своих парней у склада вооружения. Это было странное и жуткое зрелище. Чак выглядел потерянным — его огромные ладони, привычные к мастерку и теплоте кирпича, неуклюже сжимали холодный ремень новенькой винтовки М4. Он смотрел на оружие с отвращением. — Джонни... Я позвонил Мелиссе, — прошептал он, когда я подошел. Его голос сорвался. — Она плачет. Говорит, что в супермаркетах бойня. Люди дерутся за консервы и батарейки. Полиция... они просто уезжают, Джон. Офицеры бросают значки и едут к своим

семьям. А я... я здесь. С этой железкой. — Мы всё уладим, Чак, — я попытался сказать это уверенно, но мой голос прозвучал как фальшивая нота. — Это просто мера предосторожности. Нас выставят в оцепление, и через пару дней мы вернемся к нашему бетону.

Сэм Смит, напротив, был в своей стихии, насколько это было возможно в такой ситуации. Он уже успел где-то раздобыть отвертку и проверял коллиматорный прицел своей винтовки, привычно зажав в зубах незажженную сигарету. — Ну что, Кинг, — Сэм горько усмехнулся, увидев меня. — Кажется, наш отпуск на Карибах немного откладывается. Вместо пляжного волейбола нам выдали это дерьмо. Ты видел эти нашивки? «Территориальная оборона». Нас кидают на берег как пушечное мясо, пока штабные крысы пакуют чемоданы. — Главное, что мы вместе, — отозвался Рауль, натягивая бронежилет. Его вечная улыбка исчезла, взгляд постоянно возвращался к горизонту, где небо окрашивалось в тревожный фиолетовый цвет. — Старик Хилтон подсутился, выбил нам одно подразделение. Сказал, что если мы умеем держать строй на лесах под штормовым ветром, то и здесь не развалимся.

Нам выдали амуницию. Тяжелые бронежилеты, каски, боезапас. Всё это весило немало, но груз на сердце был тяжелее. Капитан Льюис выгнал нас на инструктаж перед картой побережья. Его палец дрожал, когда он указывал на Атлантик-Сити. — Слушайте сюда, 76-е! — гаркнул он, перекрывая рев турбин. — Никаких официальных данных нет. Радиосвязь с флотом прервана. Последнее, что мы слышали от побережья — это сообщения о «биологической угрозе». Ваша задача — сектор 4. Стройте баррикады, заваривайте люки, ставьте пулеметные гнезда. Делайте то, что умеете лучше всего — превращайте берег в крепость. Используйте бетон, арматуру, стальные балки — всё, что найдете. И помните: если что-то начнет выходить из воды — не ждите приказа. Огонь на поражение. Сразу. Без вопросов.

Чак переглянулся со мной. В его глазах застыл немой вопрос, от которого мне захотелось кричать: «Кто может выйти из воды, Джон? Рыбы? Или тени наших грехов?». Я промолчал, но мои пальцы непроизвольно сжали цевье винтовки так, что костяшки побелели. Лазурные нити под кожей пульсировали так сильно, что мне казалось, их свечение вот-вот пробьется сквозь плотную ткань армейской формы. Я боялся, что если кто-то из парней это заметит, меня сочтут первой жертвой той дряни, что разлилась в океане. Или, что еще хуже, меня сочтут её частью. Мы загрузились в грузовики, и колонна тронулась к океану. В тот момент я впервые пожалел, что не слушал отца внимательнее.

Атлантик-Сити встретил нас мертвой, оглушительной тишиной, которая была хуже любого взрыва. Знаменитый променад, где еще неделю назад толпились тысячи туристов, пахло сахарной ватой, дешевым парфюмом и азартом, теперь превратился в серую, выжженную полосу отчуждения. Казино стояли темными монолитами, их неоновые вывески, некогда манившие огнями, теперь напоминали пустые глазницы черепов.

Мы с парнями окапывались прямо напротив огромного колеса обозрения, которое замерло в неестественном положении, как скелет доисторического зверя, выброшенного на берег. Ночи стали невыносимо длинными, холодными и густыми. — Слышите? — прошептал Рауль на вторую ночь дежурства. Мы сидели в оцеплении, вжимаясь в бетонные блоки. Мы замерли. Океан больше не шумел привычным, успокаивающим прибоем. Звук был тяжелым, ритмичным, словно где-то там, на немыслимой глубине, работали гигантские кожаные меха. Волна за волной на песок выносило не белую пену, а густую, маслянистую субстанцию, которая светилась тусклым, ядовитым лазурным светом. В этом свете мы увидели их — тысячи мертвых рыб, китов, дельфинов, выброшенных на берег. Но они не разлагались. Их тела были покрыты странной, пульсирующей черной сеткой, а из открытых пастей медленно, змеевидно выходил сизый пар.

— Черт, Кинг, посмотри на дозиметр Сэма... — Чак указал на прибор, висевший на разгрузке нашего технаря. Сэм медленно поднял прибор. Стрелка не просто зашкаливала — она дрожала в конвульсиях, будто пыталась сорваться с оси и убежать. Сэм щелкнул своей

зажигалкой «Zippo», глядя на огонек. Пламя было странным — не теплым оранжевым, а почти фиолетовым, оно изгибалось в сторону океана, словно его тянула невидимая сила. — Радиация здесь ни при чем, — Сэм сплюнул на песок, который под его ногами начал подозрительно светиться. — Это не распад атома, парни. Это... что-то другое. Будто сама физика материи меняет правила игры. Словно мир переписывают на другом языке.

В ту ночь «зуд» в моей голове впервые по-настоящему заговорил со мной. Это не были слова — человеческий язык слишком беден для этого. Это было ощущение огромного, холодного, бесконечного внимания, направленного на наш берег. Словно мы были микробами под микроскопом. Я чувствовал, как этот пульс отзывается в моих венах, как моя кровь начинает течь медленнее, подстраиваясь под ритм океана. Мне было страшно — я боялся, что теряю связь с человечеством, становясь частью этой искаженной реальности.

Под песком, глубоко в земной коре, что-то ворочалось. Звук шел снизу, вибрируя в подошвах сапог. Чак сжимал свою М4 так сильно, что его пальцы стали похожи на когти. — Если бы я знал... я бы отвез их в горы, — шептал он, не отрывая взгляда от воды. — Кинг, пообещай мне. Если со мной что-то случится... найди их. Пожалуйста. — С тобой ничего не случится, Чак, — я сказал это, но сам чувствовал, как реальность вокруг нас истончается. — Мы — строители, помнишь? Мы построили этот берег, мы его и удержим. Но в глубине души я знал: то, что идет из воды, не волнует наши баррикады. Мы ждали. Мы знали, что из этой светящейся каши скоро кто-то выйдет. И этот «кто-то» явно не собирался вести переговоры о мире.

Рассвет 20 июня так и не наступил в привычном понимании этого слова. Небо над Атлантик-Сити застыло в грязно-фиолетовом мареве, сквозь которое не пробивался ни один луч солнца. Воздух стал плотным, кислым, от него щипало глаза и першило в горле. Мы стояли в оцеплении у самого края воды, за баррикадой из мешков с песком и бетонных блоков. Тишина была такой напряженной, что звук сорванного предохранителя казался громом.

Внезапно Рауль вскинул винтовку, его голос прозвучал как выстрел: — Движение! Триста ярдов, прямо по курсу! Из воды! Я вскинул бинокль. Из маслянистого, светящегося прибоем медленно выходила фигура. Сначала я подумал, что это обычный выживший, может, серфер, которого застало врасплох. Человек в гидрокостюме, он двигался медленно, пошатываясь, как пьяный. — Не стрелять! — крикнул я, включая подствольный фонарь. — Эй! Остановись! Подними руки! Тебе нужна помощь?

Фигура замерла. В луче моего фонаря мы увидели то, что заставило Рауля вскрикнуть на испанском, а Чака — застыть каменным изваянием. Это был человек, или то, что им было когда-то. Его кожа была полностью покрыта той самой черной пульсирующей сеткой, которую мы видели на рыбах. Вместо лица — сплошная корка из застывшей «ртути», из-под которой не проглядывало ни одной человеческой черты. Но самое страшное было в глазах — вернее, в том месте, где они должны были быть. Оттуда лился ровный, холодный лазурный свет.

Существо не дышало. Из его «рта» — просто щели в металлической маске — вырывался тот самый звук: влажное хлопанье. Оно стояло неподвижно секунду, а затем... оно сделало рывок. Это было нечеловечески быстро. Конечности существа выгибались под немыслимыми углами, суставы хрустели, как ломающийся сухой лед. — Огонь! — рявкнул капитан Льюис, и этот приказ стал концом нашего мира.

Чак выстрелил первым. Я видел, как пуля 5.56 ударила существу прямо в грудь. Но вместо крови из раны выплеснулось облако светящихся, мерцающих спор. Существо даже не замедлилось. Оно бежало на нас, издавая ультразвуковой свист, от которого лопались зубы. Мы открыли шквальный огонь. Сэм палил короткими, расчетливыми очередями, Рауль выкрикивал яростные проклятия, поливая берег свинцом. Только когда мы буквально изрешетили его, превратив в бесформенную грудку мяса и металла, «серфер» упал, распадаясь на глазах в черные, зловонные хлопья.

Но мы не успели даже вздохнуть. В ту же секунду океан взорвался. Это не была волна воды — это была волна плоти. Сотни, тысячи таких же фигур начали подниматься из маслянистой воды по всей линии берега. Гул «Аида» перерос в торжествующий, вибрирующий рев, от которого задрожали кости. Я почувствовал, как мои вены под кожей вспыхнули нестерпимой, обжигающей болью. Казалось, эта дрянь из океана тянет из меня саму жизнь, заставляя мою кровь светиться в ответ на свой зов. Я был частью их, и я был их целью. — Кинг! Их слишком много! Мы не удержим! — перекрывая грохот выстрелов и крики умирающих, закричал Чак.

Я посмотрел на своих парней. В их глазах отражалось лазурное сияние приближающейся смерти. Мы больше не строили отели для туристов. Мы начали строить свою собственную дорогу в ад, и первый шаг по ней был сделан в крови. Старый мир официально закончился здесь, на песке Атлантик-Сити.

Глава 3: Осада «Большого Яблока»

Нью-Йорк, город, который никогда не спал, теперь превратился в колоссальную, задыхающуюся ловушку из стекла, бетона и человеческих криков. К тому времени, как наш 76-й отряд, измотанный и поредевший после боев на побережье, отступил к Бруклинскому мосту, мегаполис уже не принадлежал людям. Небо окончательно потеряло свой цвет, став похожим на старую, запекшуюся кровь, а знаменитый туман — то, что мы прозвали «Завесой», — начал медленно сползать с вершин небоскребов, буквально растворяя в себе целые кварталы.

Мы прикрывали отход гражданских. Это было похоже на библейский исход, только вместо божественного спасения за спинами людей дышала бездна. Тысячи брошенных машин забили пролеты моста, превратив их в лабиринт из раскаленного железа. Люди бежали в сторону Манхэттена, волоча за собой детей, чемоданы и остатки своей прежней жизни, но мы-то знали — бежать было некуда. Остров стал островом смерти.

— Держим строй! Не растягиваться, мать вашу! — орал я до хрипоты, перекрывая бесконечный вой брошенных противоугонок и тот самый низкий, утробный гул, идущий со стороны океана. Мой голос казался мне чужим, сорванным и сухим.

Мы стояли в арьергарде. Сэм и Рауль работали плечом к плечу, экономя патроны и отсекая одиночными, расчетливыми выстрелами тех «ходов», что выбирались из Гудзона. Эти твари больше не походили на людей — они двигались дергано, неестественно, их глаза светились тем самым лазурным светом, который теперь снился мне в кошмарах. Чак шел последним. Его огромное тело в грязном, пропотевшем камуфляже казалось нам незыблемой скалой. Он был нашим якорем в этом океане безумия. Он всё ещё сжимал в одной руке винтовку, а в другой — рацию, надеясь услышать голос Мелиссы. Но из динамика доносился только мертвый, белый шелест.

— Чак, брось её, связи нет! — крикнул Сэм, меняя магазин. — Она ответит, Сэмми. Я чувствую, — глухо отозвался Чак, и в его взгляде была такая безнадежная вера, что мне захотелось выть.

Внезапно «Завеса» впереди нас, прямо над стальными тросами моста, взорвалась черным, пульсирующим роем. Это не были те «ходы», к которым мы привыкли. Тысячи мелких, похожих на иглы существ заполнили пространство, превращая воздух в густую, жалящую массу. Видимость упала до нуля за секунды. Воздух стал кислым и плотным. — Чак! — закричал я, чувствуя, как паника ледяной рукой сжимает горло. — Чак, назад, к машинам! Уходим!

— Я... я задержу их, Кинг! Уводи ребят и тех людей! — донесся его бас из густого марева. Я рванулся к нему, но Рауль перехватил меня за плечо. — Кинг, нет! Нас сожрут вместе с ним! Уходим! А потом раздался странный звук — не крик боли, а сухой, жуткий треск, будто ломается вековое дерево под напором урагана. И следом — внезапный, тяжелый всплеск воды далеко внизу, под пролетами моста. Когда через мгновение налетевший ветер разогнал мглу, на том месте, где стоял Чак, не было никого. Только его разбитая каска с нацарапанным именем сына валялась на асфальте, а из темноты под мостом доносилось низкое, торжествующее

урчание Роя. Мы не видели тела. Мы не слышали его последнего вздоха. Чак Митчелл, отец четырех пацанов, просто исчез в черном тумане, оставив нас с этой невыносимой, звенящей пустотой в груди. Мои ладони жгло так, будто я держал раскаленный уголь, но я не чувствовал силы — только ядовитую ярость и ледяной страх перед тем, что эта тьма заберет нас всех по одному, пока не останется никого, кто мог бы помнить наши имена.

Мы бежали так, как не бегали никогда в жизни. Не как герои из боевиков, которые пафосно уходят от взрыва, а как загнанные крысы, которые только что заглянули в пасть голодному зверю и чудом успели отпрянуть. Рауль дышал тяжело, со свистом, его лицо было залито потом и серой пылью моста, глаза расширены от шока. Сэм молчал, его губы превратились в тонкую линию, а пальцы так сильно сжимали цевье М4, что пластик, казалось, вот-вот лопнет.

Мы пробились к одному из недостроенных небоскребов «Hilton's Grin House» на самой окраине Бруклина. Это было символично и жутко одновременно: наша стройка, на которой мы мечтали о светлом будущем, стала нашим единственным убежищем. Мы забаррикадировали лестницы, заварили грузовые лифты и поднялись на восемнадцатый этаж — там, где бетонные перекрытия уже застыли, но стены еще не успели обрести свои стеклянные фасады.

— Он выберется... Черт возьми, Джон, он точно выберется, — прошептал Рауль, когда мы рухнули на холодный бетонный пол. Его трясло. — Слышишь, Кинг? Чак — он же как танк. Его пулей не возьмешь, а какая-то вода... Он просто упал в воду. Он выплывет. Он найдет нас, я знаю. Он обещал Мелиссе. Я не ответил. Я не мог. Я смотрел на свои руки, которые мелко дрожали в предрассветном сумраке. Лазурное свечение под кожей теперь не гасло даже на минуту. Оно пульсировало в такт «Завесе», которая медленно окутывала здание снаружи, превращая небоскреб в остров в океане серого кошмара.

Сэм подошел к панорамному проему. Остекление еще не успели закончить, и перед нами была лишь бездонная, пугающая пустота. Он чиркнул своей Zippo. Огонек был бледным, почти прозрачным, словно сам воздух высасывал из него энергию. — Города больше нет, — холодно бросил Сэм, глядя вниз. Я подошел к краю. Там, где раньше сверкали огни Таймс-сквер и шумели улицы, теперь копошилась живая, маслянистая тьма. Рой перетекал через улицы, как лава, поглощая всё живое. Мы были на высоте шестидесяти метров, отрезанные от остального мира, с ограниченным запасом патронов и без нашего «самого большого парня». Каждый случайный шорох снизу — скрежет арматуры на ветру или обвал штукатурки — казался нам тяжелыми шагами Чака. Нам хотелось верить, что это он. Но разум, холодный и жестокий, понимал: тот, кто уходит в Рой, назад не возвращается. По крайней мере, не возвращается тем человеком, которого ты знал.

— Мы не будем сидеть здесь и ждать смерти, — я поднялся, чувствуя, как внутри закипает холодная, ядовитая ярость. Тот самый зуд в костях, доставшийся мне от отца, теперь бил набатом. Я больше не боялся его. Я воспринимал его как проклятие, которое дает мне право на месть. — Перезаряжайтесь. Сэм, проверь запасы. Рауль, найди любую рацию, которая еще ловит хоть что-то. Мы найдем еду, мы найдем связь. Мы выясним, есть ли еще кто-то живой в этом аду. Если Чак там, внизу... он увидит наш сигнал. Мы станем для него маяком.

Прошло два месяца. Шестдесят дней и ночей, которые слились в одну бесконечную череду караулов, вылазок и ожидания. Восемнадцатый этаж недостроенного небоскреба стал нашим миром, нашей единственной твердыней и нашей добровольной тюрьмой. Мы изменились. Рауль стал тихим и невероятно быстрым, его вечные шутки сменились расчетливым хладнокровием. Сэм превратил этаж в инженерный шедевр выживания.

Мы не просто сидели и ждали смерти. Используя наши знания строителей и остатки взрывчатки, которые нашли в технических подсобках, мы методично обрушили две соседние малоэтажки и подорвали часть парковки. Теперь вокруг нашего здания образовался «пустой горизонт» — чистое, простреливаемое пространство на триста ярдов во все стороны. Ни одна

тень, ни один «ходок» не мог приблизиться к нам незамеченным. Мы создали свою «зону смерти».

— Чисто на три часа... Сектор Б свободен, — хрипло отозвался Рауль, не отрываясь от оптического прицела винтовки. Он сильно похудел, его глаза запали, став похожими на два темных провала, но руки работали с автоматизмом дорогого станка. Сэм соорудил на этаже целую систему зеркал и перископов из остатков остекления, чтобы мы могли наблюдать за мертвыми улицами, не высываясь из проемов и не подставляясь под «иглы» Роя. Быт наш стал спартанским до боли: костер из строительных лесов в центре зала, консервы, которые мы добывали в самоубийственных ночных вылазках, и бесконечное, сводящее с ума ожидание.

Каждое утро ровно в 6:15 я выходил к самому краю плиты. В это время «Завеса» на мгновение становилась прозрачнее, словно мир делал короткий, судорожный вдох перед новым приступом удушья. Я смотрел вниз на наш «прострел». Мы всё еще надеялись. Мы выложили на крыше гигантские буквы «76-й СЕКТОР» из белых мешков с цементом — наш знак для Чака. Если он жив, если он бродит там, внизу, потерянный в этом тумане, он должен знать — мы его ждем.

— Кинг, патроны на исходе... Осталось три рожка на каждого, — Сэм подошел ко мне, привычно крутя в пальцах свою Zippo. Бензин в ней давно закончился, но он продолжал щелкать кремнем, высекая искры. — Твои «нити» на руках светятся сегодня особенно ярко. Ты сам это видишь? Я посмотрел на свои ладони. Лазурный свет пульсировал под кожей, отзываясь на глубокую вибрацию, шедшую из самых недр города. Я чувствовал эту связь как паразита, который впился в мой позвоночник и методично высасывает остатки моей человечности. Мы удерживали этот этаж два месяца, став костью в горле у Роя, но я понимал: время нашей крепости вышло. Город внизу кишел, и этот проклятый «зуд», доставшийся мне от отца, подсказывал: сегодня ночью они решат покончить с нашим бастионом. Воздух вокруг здания стал густым, как сироп. Они шли за нами.

Наш восемнадцатый этаж давно перестал быть просто наблюдательным пунктом трех дезертиров-строителей. За эти два месяца здание превратилось в вертикальный город, в последний «Ковчег» посреди тонущего Нью-Йорка. Помимо нас троих, здесь закрепилось около полусотни человек. Это была гремучая, отчаянная смесь из уцелевших работяг нашей бригады, пары напуганных связистов из Нацгвардии, отбившихся от своих частей, и обычных гражданских, которых мы буквально выдергивали из лап Роя во время наших первых, безумных вылазок.

Здесь были сварщики, способные из куска ржавой арматуры и старого автомобильного аккумулятора собрать смертоносную ловушку под напряжением. Были врачи, которые научились проводить сложные операции при свете дрожащих китайских фонариков и под аккомпанемент криков за окном. Каждый был при деле. Женщины сортировали скудные припасы, ведя учет каждой банки фасоли, мужчины укрепляли лестничные пролеты. Мы с Сэмом и Раулем стали для них чем-то вроде полевых командиров, богов войны в грязных касках. Они смотрели на нас с такой надеждой, от которой иногда хотелось пустить пулю в висок, потому что мы знали — ресурсов не хватит даже до первых холодов.

— Кинг, фильтры для воды сдохли окончательно. Мы пьем ржавую дрянь из пожарных резервуаров, — сказал один из работяг, старый бетонщик по имени Пабло, вытирая мазутные руки о ветошь. — И люди... они шепчутся. Они видели, как ночью «Завеса» лизала стены этажом ниже. Она поднимается, Джон. Медленно, но верно. Я оглядел наше убежище: ряды грязных матрасов на бетонном полу, тихий, надрывный плач ребенка в углу и сосредоточенные, серые лица парней из Нацгвардии, методично чистящих оружие. Мы расчистили сектора обстрела, мы создали крепость, но мы не могли обрушить само небо, которое медленно оседало на нас ядовитым туманом.

— Готовьте людей, — негромко приказал я Сэму. — Собирайте только самое необходимое. Лекарства, патроны, воду. Одежду. Мы не сможем вечно удерживать эту высоту. Рой уже пробует здание на вкус. Я слышу, как они скребутся в вентиляции на десятом. Сэм кивнул, его взгляд встретился с моим. Мы оба понимали: попытка вывести пятьдесят изможденных людей через город, кишачий тварями — это чистое самоубийство. Но сидеть здесь и ждать, пока «Завеса» растворит нас заживо, превратив в часть своей биомассы — еще хуже. Наш единственный шанс лежал не наверху, а глубоко под землей. Там, где бетон метро мог дать нам лишний час жизни. Зуд в моих костях стал невыносимым, я чувствовал, как здание вибрирует от шагов тысяч существ, ползущих по нижним этажам. Я сжал кулаки, пряча сияющие лазурью вены. Моя «страховка» требовала оплаты, и эта цена была выше, чем я мог себе представить.

В 6:15 утра мир всегда замирал. Это были единственные десять минут в сутках, когда «Завеса» над Нью-Йорком истончалась, превращаясь из плотного маслянистого киселя в прозрачную, призрачную дымку. Я стоял на самом краю бетонной плиты восемнадцатого этажа, там, где не было ограждений, и смотрел на то, что когда-то называлось Бруклином.

Холодный ветер с океана приносил запах озона и какой-то едкой, химической гари — запах умирающей планеты. На моем левом запястье тускло мерцал циферблат армейских часов. Цифры на них дрожали, хаотично перескакивая с 6:15 на нулевые отметки и обратно — та же чертовщина, что происходила с часами моего отца. Металл корпуса вибрировал, отзываясь на лазурный ритм в моих жилах. Время здесь больше не имело линейного значения; оно просто утекало сквозь пальцы, как пепел.

Вокруг просыпался наш «Ковчег». Слышалось шуршание спальных мешков, тихий шепот молитв на разных языках и резкий, сухой лязг затворов — бойцы «76-го» проверяли оружие перед последним броском. Пятьдесят человек, доверивших нам свои жизни, поднимались с холодного бетона. Гражданские жались друг к другу, их лица в сером свете казались высеченными из пористого камня, лишенными эмоций, кроме одной — тупого, животного страха.

— Кинг, посмотри на опоры... — Сэм подошел ко мне, указывая на лестничный пролет. Здание мелко, ритмично содрогалось. Это не был ветер. Это не была осадка фундамента. Рой уже не просто скребся внизу — он методично перегрызал стальной скелет небоскреба, пожирая металл своими кислотными челюстями. Звук был похож на работу сотен гигантских насекомых-термитов. Наш бастион в небе официально стал нашей могилой, которая вот-вот должна была обрушиться.

— Собирайтесь, — мой голос прозвучал глухо и властно в этой звенящей тишине. — Оставляем всё лишнее. Никаких памятных вещей, никакой тяжелой клади. Только то, что сможете нести на себе, не теряя скорости. Если кто-то упадет — мы не сможем вернуться. Я видел лицо Рауля — он смотрел на фотографию Чака, которую мы нашли в его сумке. Сэм проверял свою последнюю гранату. Я сжал кулаки, чувствуя, как лазурные нити под кожей пульсируют в такт разрушению здания. Путь оставался только один — вниз, в преисподнюю подземных туннелей метро. Мы должны были нырнуть во тьму, чтобы найти свет. Или чтобы окончательно в ней исчезнуть.

Глава 4: Подземный марш

Я затушил последнюю сигарету прямо о холодный, выщербленный бетон, чувствуя во рту липкий, кислый привкус дешевого джина, которым мы пытались заглушить страх последние два месяца. Ночь не принесла желанного отдыха, она лишь выпила последние остатки сил, оставив после себя звон в ушах и тяжесть в веках. Гул «Аида» за окном стал громче, обретая почти осязаемую плотность. Завеса над Бруклином вращалась, как в гигантской, безумной центрифуге, перемешивая обрывки облаков с фиолетовым дымом и превращая день в бесконечные, безжизненные сумерки.

— Кинг, прекрати пялиться в эту бездну, — Сэм резко хлопнул меня по плечу. Его рука дрожала, а голос звучал сухо, как треск ломающихся веток. — Солнца не будет, Джон. Ни сегодня, ни завтра. Собирай людей. Нам нужно уйти до того, как эта башня окончательно сложится, как картонный домик под сапогом великана. Слышишь, как арматура стонет? Она больше не держит.

Я в последний раз оглядел наш 18-й этаж, который за эти два месяца стал нам домом. Пустые, обгоревшие банки из-под фасоли, ряды грязных, провонявших потом матрасов, буквы «76-й СЕКТОР», которые мы так тщательно выкладывали мешками с цементом на крыше в надежде, что Чак их увидит... Всё это теперь принадлежало прошлому, мертвому миру, который не смог защитить своих создателей.

— Уходим! — рявкнул я, перехватывая винтовку. Пальцы привычно легли на холодный металл. — Сэм, Рауль — в авангард. Проверяйте каждый шаг. Нацгвардейцы — замыкают группу, дистанция два метра, стволы на 180 градусов. Гражданские в центре. Держимся плотно, как в свежей бетонной заливке. Если кто-то отстанет — вытаскивать не будем.

Мы вошли в темный, дышащий сыростью зев лестничного пролета. Света наших тактических фонарей едва хватало, чтобы пробить густую взвесь пыли, штукатурки и каких-то странных, липких спор Роя, которые летали в воздухе, словно живой пепел. Каждый шаг вниз отдавался в моих костях тем самым болезненным «зудом», который стал моим новым компасом. Чем глубже мы спускались, тем яростнее лазурные нити на моих предплечьях реагировали на близость врага. Они пульсировали, обжигая кожу изнутри, предупреждая: мы больше не хозяева этого здания. Там, внизу, на нижних этажах, здание уже не дышало привычными сквозняками — оно чавкало. Жирно, влажно, словно огромная пасть пережевывала сталь и камень.

— Фонари на минимум! — прошептал я, когда мы достигли пятнадцатого этажа. Переход превратился в узкий туннель из рваного металла. — Оружие на предохранитель, стрелять только в упор. Теперь мы на их территории. Мы больше не строим, парни. Мы пытаемся проскользнуть сквозь зубы.

Настоящий прорыв начался через десять минут после той последней сигареты. Мы не стали ждать, пока Рой зажмет нас на крыше или в узких коридорах верхних этажей — мы сами обрушили лестничные марши выше восемнадцатого, заложив остатки взрывчатки. Это отрезало путь всему, что могло спуститься за нами сверху, но одновременно захлопнуло за нами дверь в небо.

Пятьдесят человек... перепуганные работяги с нашей стройки, женщины с серыми от пыли лицами, пара парней из Нацгвардии с остекленевшими, безразличными глазами людей, которые видели слишком много смертей. Мы шли по центральной лестнице, пробивая тьму узкими, дрожащими лучами фонарей. Каждый наш шаг отзывался гулким, издевательским эхом в пустых шахтах лифтов, а всё здание под ногами продолжало мелко, лихорадочно дрожать, словно в ознобе.

— Тишина в строю! — шипел Рауль, идя впереди. Его винтовка постоянно сканировала темноту. — Если кто-то пикнет, я лично засуну кляп в горло.

Но абсолютной тишины не было. Здание стонало, как живой раненый зверь. Где-то в самом фундаменте, там, где мы когда-то с гордостью заливали марку 500, Рой уже закончил свою разрушительную работу. Мы слышали, как металл с жутким скрежетом трется о бетон, как с сухим треском лопаются несущие колонны, не выдерживая веса искаженной реальности. Когда мы наконец достигли вестибюля первого этажа, нас обдало тяжелым, тошнотворным запахом озона и застоявшейся морской воды, протухшей тысячи лет назад.

Остекление фасада, которое мы так старательно монтировали, было выбито наружу. За пустыми проемами, в сером, колышущемся мареве Завесы, уже копошились тени. Они не напа-

дали сразу — они ждали, когда мы покинем свою крепость и станем уязвимыми на открытом пространстве. Их лазурные глаза мерцали в тумане, как огни далеких, враждебных маяков.

— К метро! — скомандовал я, чувствуя, как лазурный зуд в моих костях переходит в настоящую, ослепляющую пульсирующую боль. — Бегом! Держитесь за рюкзаки впереди идущих! Не смотреть по сторонам!

Мы вывалились из здания на нашу расчищенную площадь. Это был бег через чистилище. Плотный туман Завесы лип к лицу, как мокрая паутина, забивался в легкие, мешая дышать и вызывая кашель. Рауль палил короткими, экономными очередями, отсекая тварей, которые молниеносными тенями метались между брошенными строительными лесами, пытаясь перерезать нам путь к входу в подземку.

Я видел, как один из наших — парень-электрик по имени Том, с которым мы еще три месяца назад спорили о схемах проводки — на секунду замешкался, оглянувшись назад на наш брошенный, умирающий небоскреб. Этой секунды Рою хватило. Черное, гибкое пятно метнулось из подворотни с невероятной скоростью, и Том просто... исчез. Без крика, без борьбы. На грязный асфальт упала только его пустая оранжевая куртка и разбитый фонарик, а туман мгновенно сомкнулся над тем местом, где он стоял. Мы не остановились. Мы нырнули в зев станции «Бруклин-Хайтс», когда небо над нами окончательно почернело, словно захлопнулась крышка гроба. Мы бежали вниз по замершим, покрытым слизью эскалаторам, в темноту, которая в тот момент казалась безопаснее ядовитого неба. Я не знал, куда мы идем, но в голове билась одна мысль: «Глубже. Нужно уйти так глубоко, чтобы сама Земля спрятала нас от этого света».

Тоннели метро больше не напоминали привычную транспортную артерию города. За те месяцы, что мир катился в ад, подземка превратилась в чрево гигантского, больного зверя. Мы шли уже несколько часов, хотя время здесь вело себя как сломанный, безумный механизм: на моих армейских часах секундная стрелка то замирала на несколько минут, то вдруг начинала нестись по кругу, как сумасшедшая. Лучи фонарей вязли в воздухе, который стал плотным, маслянистым и мутным, напоминая застоявшийся кисель.

— Кинг, ты это слышишь? — Рауль замер, вскидывая винтовку в пустоту тоннеля. Его голос дрожал от напряжения.

Мы остановились. Из темных вентиляционных шахт доносился не привычный свист сквозняка, а тихий, многоголосый, влажный шепот. Казалось, бетонные стены метро переговариваются между собой на языке, который не предназначен для человеческих ушей. Этот звук пугающе резонировал с лазурным зудом в моих костях, вызывая тошноту. Люди за моей спиной жались друг к другу, их дыхание в свете фонарей превращалось в тяжелый, сероватый пар, хотя в тоннеле должно было быть тепло.

— Фонари дохнут, Джон... — глухо произнес Сэм, с силой встряхивая свой «Maglite». Луч стал тусклым и желтым. — Я менял батарейки час назад. Совершенно новые из упаковки. Что-то высасывает из них энергию прямо сейчас. Не просто сажает — оно её ест.

Мы двинулись дальше, стараясь не касаться стен. Через сотню ярдов мы уперлись в то, чего физически не должно было существовать в нашей реальности. Тоннель впереди не просто закончился тупиком — он начал плавно закручиваться в бесконечную, противоестественную спираль. Рельсы, ржавые и изогнутые, уходили не вперед, а плавно забирали вверх, перетекая прямо в свод тоннеля. Бетонные стены стали мягкими, податливыми на ощупь, словно кожа. Они были покрыты маслянистой пленкой, которая мерцала тем самым призрачным лазурным светом, что я видел в глазах тварей на побережье Атлантик-Сити.

— Это не тупик, Джонни... посмотри... — прошептала одна из женщин в нашей группе, указывая дрожащим пальцем в самый центр этой архитектурной аномалии.

Там, где по законам логики должна была быть тьма и тупик, пульсировало нечто невообразимое. Это было нечто среднее между огромной лужей жидкой ртути и рваной, кровоточащей раной в самой ткани пространства. Она дышала. Тяжело, мерно. От неё исходил жар,

который перемешивался с ледяным, могильным холодом Завесы. Я сделал шаг вперед, и мои руки внезапно вспыхнули ярким лазурным пламенем — настолько мощным, что свет пробился сквозь плотную ткань перчаток, осветив наши искаженные страхом лица. Зуд в голове превратился в беззвучный, разрывающий череп крик. Я понял: Бруклин остался позади. Мы стояли на пороге места, где география перестала существовать. Единственный шанс не быть поглощенными Роем, который уже спускался в тоннели по нашим следам, лежал через это светящееся, пульсирующее безумие.

Рой приближался к нам со спины как черное, живое цунами. Гул их тысяч лап и хлопанье челюстей отражались от стен тоннеля, сливаясь в единый, сводящий с ума шум. До них оставалось не больше десяти метров — в свете наших гаснущих фонарей я уже видел, как вибрируют их черные жвалы и как лазурный свет в их глазах сливается в единую стену огня.

— Сэм, Рауль! ГРЕНАДЫ! — заорал я так, что горло обожгло болью. — Бросаем и прыгаем в эту дрянь! Другого пути нет!

Мы одновременно сорвали чеки. Это не был план спасения — это был жест чистого, дикого отчаяния. Взрыв должен был либо обрушить тоннель и задержать их, либо прикончить нас самих раньше, чем Рой начнет свою трапезу. Две ослепительные вспышки на мгновение разорвали темноту, ударная волна ударила в грудь, выбивая воздух из легких. Нас, уже потерявших равновесие и ориентацию в пространстве, просто впечатало спинами в ртутную, теплую жижу портала.

В ту же секунду реальность вокруг нас лопнула, как перетянутая струна. Прыжок не был похож на полет или падение. Ощущение было такое, будто меня пропустили через гигантскую мясорубку, атом за атомом, а потом попытались наспех собрать обратно, перепутав половину деталей. Ледяной холод, который сменялся нестерпимым жаром, разряды тока, прошивающие вены, и... тишина. Абсолютная, звенящая тишина, какой не бывает в мире живых.

Я чувствовал, как мои молекулы растягиваются по бесконечной лазурной нити, связывающей один край планеты с другим. Бруклин, «HILTON GRIN HOUSE», Чак, крики людей — всё это превратилось в далекие искры в глубине моего угасающего сознания. А потом был удар. Твердый, ледяной гранит под лицом и запах... запах, который я не чувствовал никогда в жизни. Запах старого метро, мазута и чего-то очень знакомого, но забытого. Я открыл глаза и увидел над собой не ржавые своды Бруклина, а величественные, богато украшенные колонны станции, которая никак не могла находиться в Нью-Йорке. И тут я услышал голос, который окончательно поставил точку в моей старой жизни.

Глава 5: Блок «Б»

Вспышка. Тишина. А затем — звук, похожий на хлопок гигантского пузыря, за которым последовала тишина настолько абсолютная, что я услышал, как кровь стучит в моих собственных висках. Ледяной воздух ударил по легким, как аммиак, выжигая остатки бруклинского смога. Я лежал на животе, чувствуя под ладонями не привычный пористый бетон Нью-Йорка, а холодный, щербатый и невероятно плотный гранит. Пахло пылью столетий, старым горелым железом и той специфической сыростью подземных рек, которую ни с чем не спутаешь.

Я с трудом повернул голову, чувствуя, как шея скрипит, словно заржавевший болт. Платформа была пуста. Никаких пятидесяти человек, которых мы пытались спасти. Никаких криков женщин, ни плача детей. Портал сработал как неисправный, сломанный мусоросортировщик: он просто выплюнул нас троих, а где остались остальные — в Бруклине, в недрах ртутной жижи или просто распылены на атомы — одному Богу было известно. Если Бог еще присматривал за этим местом.

Справа Сэма рвало прямо на рельсы; его тело содрогалось в конвульсиях от квантового похмелья. Рауль стонал неподалеку, свернувшись калачиком, его пальцы судорожно скребли по камню, пытаясь найти хоть какую-то опору в этом новом, чужом мире. — Джон... — прохрипел

Сэм, вытирая рот рукавом грязного камуфляжа. — Где мы? Это... это не Бруклин, Кинг. Мы промахнулись.

Я поднял взгляд. Над нами нависали тяжелые, монументальные своды. Желтушный, неверный свет аварийных ламп выхватывал из темноты странные, колючие буквы на стенах — те самые непонятные символы, которые я видел в тетради отца под числом «12 262». Это был кириллический шрифт, но тогда он казался мне шифром из иного измерения.

— Встать! Руки за голову! — Громовой, лишенный всякого сочувствия окрик на незнакомом, резком и лязгающем языке заставил мое сердце подпрыгнуть к самому горлу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.